

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.И. Чеснокова

Современная культура – это множество взаимно пересекающихся реальностей, каждая из которых имеет право на существование и самосохранение. В сегодняшнем мире сталкиваются две основные тенденции в развитии культур – глобализация (универсализм) и фрагментаризация (партикуляризм). Диапазон реакций на тенденцию глобализации варьируется от сопротивления до творческого усвоения или слепого подражания. Сегодня особенно интересны процессы взаимопроникновения культур, возможности их коммуникации. По мнению современных немецких культурологов И.Брайденбах и И.Цукригль, различные общества используют чужое для того, чтобы «стать больше самих себя» [1]. Таким образом, культуры перестают быть статичными, замкнутыми системами, в них перманентно растворяются старые и создаются новые отношения. Глобальная культура сегодня – это некая «система общих различий», в рамках которой мы выделяем культурные особенности, чтобы понять друг друга и добиться взаимного признания. Реальная взаимосвязь двух тенденций может выглядеть так: идея – глобальна, а ее оформление и претворение в жизнь уникально. Развитие и формирование глобальных понятий и региональных стратегий действия можно показать на примере становления гендерных исследований, идущих сегодня в различных культурах.

В современной философско-культурологической мысли сосуществуют множество подходов к анализу проблем межкультурной коммуникации, иногда противоречащих друг другу, иногда дополняющих. В качестве примера возьмем две дискутирующие модели понимания культуры: семиотическую и гендерную. Зададимся вопросом, возможно ли появление нового культурологического знания на пересечении семиотической и гендерной парадигмы?

Семиотика культуры – область междисциплинарных исследований, которые существуют как синтез современной культурологии и семиотики. Родоначальник Московско-Тартуской школы семиотики Ю.М.Лотман ввел понятие «семиотический континуум» или «семиосфера». Семиосфера – это такое семиотическое пространство, вне которого невозможно само существование семиозиса. Семиотическое пространство может рассматриваться как единый механизм (скорее даже организм), вне которого и без которого не существуют его элементы. «Подобно тому, как, склеивая отдельные бифштексы, мы не получим тельца, но, разрезая тельца, можем получить бифштексы, – суммируя частные семиотические акты, мы не получим семиотического универсума» [2]. Напротив, только существование такого универсума – семиосферы – делает определенный знаковый акт реальностью.

Какова структура семиосферы?

Она характеризуется рядом признаков: ограниченностью, семиотической неравномерностью, обменом, диахронной глубиной, законом симметрии.

1. Ограниченность семиосферы. Понятие «семиосфера» связано с определенной семиотической однородностью и индивидуальностью, с наличием культурных границ. Границу не следует представлять конкретно и пространственно, хотя и в такой форме она существует. «Семиотическая граница – это сумма билингвальных переводческих «фильтров», переход сквозь которые переводит

текст на другой язык, находящийся вне данной семиосферы» [3]. Следовательно, точка границы семиосферы может уподобиться чувственным рецепторам, переводящим внешние раздражители на язык нервной системы. Функция любой границы сводится к ограничению проникновения, к фильтрации и к адаптирующей переработке внешнего во внутреннее. На уровне семиосферы граница означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешних сообщений и перевод их на свой язык, а также превращение внешних не-сообщений в сообщения, то есть превращение поступающего извне в знак.

В случае, когда пространство культуры имеет территориальный характер, граница обретает пространственный смысл в элементарном значении. Однако смысл буферного механизма, трансформирующего информацию одной культуры для другой, она сохраняет и в этом случае. Примером этого, по Лотману, может быть контакт двух культур, когда семиосфера одной из них (например, античной культуры) отождествляется с освоенным культурным пространством, а внешний мир – с царством хаотических, неупорядоченных стихий (мир варваров). Сущность пограничного механизма хорошо раскрывает литературный сюжет типа «Ромео и Джульетта» о любовном союзе, соединяющем два враждебных культурных пространства. Однако граница может не только разделять, но и соединять две культурные подсистемы. В разные исторические периоды развития семиосферы тот или иной аспект может доминировать, заглушая другой. Граница имеет и другую функцию: она может стать областью ускорения семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культурной ойкумены. Следовательно, сам феномен культурной границы, по Лотману, многофункционален и диалог культур может осуществляться в нескольких формах: просеивания, присвоения и ускорения.

2. Семиотическая неравномерность. По мысли Лотмана, существует некий закон внутренней организации семиосферы, который делит ее на организованную часть – ядро и аморфный мир – периферию. Активное взаимодействие между этими уровнями становится одним из источников динамических процессов внутри семиосферы. Он говорит о свойстве изоморфизма (подобия), когда части семиосферы сами представляют собой системы. Они одновременно и часть целого и его подобие. Можно это понять, сравнив отражения в зеркале и в его осколках. В результате система обладает способностью превращать текст в «лавину текста», то есть почти бесконечно его тиражировать.

3 признак – обмен культурной информацией. Здесь возникает проблема выработки принципиально новых текстов, принципиально новых культурных моделей. Это возможно не в результате простого акта передачи культурных ценностей, а в результате обмена. В этом культурном коммуникативном акте должно присутствовать не только отношение подобия, но и определенное различие. «Наличие двух сходных и одновременно различных партнеров коммуникации – важнейшее, но не единственное условие возникновения диалектической системы» [4]. Чтобы коммуникация была успешной, время передачи должно сменяться временем приема. Информация должна выдаваться порциями. В культуре это происходит как циклическая смена периодов высокой активности и периодов максимальной пассивности. Семиотическая неравномерность проявляется и в том, что транслирующие устройства могут быть активны, а их адресаты еще переживают прошлый культурный этап. В отношении больших ареальных культурных контактов это происходит в диалоге Востока и Запада, центра и периферии, верха и низа культуры.

Добавим, что эти же противоречивые процессы наблюдаются сегодня на постсоветском пространстве в поле, например, славянского усвоения западного гендерного опыта. Диалог культур может быть успешен, когда транслирующийся текст содержит в себе элементы перехода на чужой язык. В данном случае переход может быть затруднен из-за размытости и мозаичности содержания основного понятия – «гендер».

4 признак – диахронная глубина семиосферы, выражающаяся в наличии культурной памяти. Механизмы памяти характеризуют поведение семиосферы. Культура, отмечал Ю.М.Лотман в работе «Механизмы культуры», – «это ненаследованная, долгосрочная память коллектива» [5]. Он выделяет три типа заполнения культурной памяти: 1 – количественное увеличение объема знаний, заполнение различных ячеек иерархической системы культуры различными текстами; 2 – перераспределение в структуре ячеек, постоянная реорганизация кодирующей системы; 3 – забывание, отбор событий и фиксация лишь некоторых из них. Ученый оценивает культуры по их отношению к феномену памяти. «Если общественные формации в период подъема создают гибкие и динамичные модели, дающие широкие возможности для коллективной памяти и приспособленные к ее расширению, то социальный закат, как правило, сопровождается закатением механизма коллективной памяти и возрастающей тенденцией к сужению ее объема» [6].

5 признак – закон зеркальной симметрии. Это один из основных структурных принципов внутренней организации семиосферы. Он выражается в параллелизме высокого и низкого в культуре, в сочетании симметрии и асимметрии и т.п. На уровне национальных культур процесс взаимного ознакомления и включения в некий общий культурный мир вызывает не только сближение отдельных культур, но и их специализацию, т.е. «войдя в некоторую культурную общность, культура начинает резче культивировать свою самобытность» [7]. В свою очередь и другие культуры кодируют ее как «особую», «необычную». Изолированная культура для себя всегда «естественна», «обычна». Лишь когда культура делается частью более обширного культурного целого, она усваивает внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру. При этом культурные общности типа Запад-Восток складываются в пары с работающей функциональной асимметрией.

Итак, по Лотману, культура – это исключительно гибкий и динамичный коллективный разум. Она выступает как знаковая система, которая характеризуется признаками «сделанности» (антитеза «предметности»), «условности» (антитеза «естественности») и способностью концентрировать человеческий опыт (антитеза «природной первозданности»). Культура структурно организует окружающий мир, она создает вокруг человека социальную знаковую сферу (семиосферу), и подобно биосфере, делает возможной общественную жизнь людей.

Как решаются проблемы культуры в гендерных исследованиях (Gender Studies)? Современные гендерные исследования развиваются, как правило, в русле феминизма. В 80-х годах XX века на Западе в этой связи возникает понятие «гендер» (англ. - gender), который определяется как социально-культурный пол и отличается от биологического пола (англ. - sex). В этих исследованиях акцентируется то, что гендерный статус, гендерная иерархия и гендерные модели поведения задаются не природой, а предписываются институтами социального контроля и культурными традициями. Гендерная принадлежность оказывается встроенной в структуру всех общественных институтов, а воспроизводство гендерного сознания на уровне индивида поддерживает сложившуюся систему отношений господства/подчинения во всех сферах жизни [8]. В этом контексте гендерный статус выступает как один из конституирующих элементов социальной иерархии и системы распределения власти, престижа и собственности, наряду с расовой, этнической и классовой принадлежностью.

Актуальность проблем пола и гендера, отмечают сегодня как сторонники этих исследований, так и их противники. Сторонники развития женских, феминистских и гендерных исследований характеризуют их как новую парадигму осмысления культуры. Среди них существует немало принципиальных разногласий по теоретическим и практическим вопросам, но в главном они сходятся. Это идея равных прав, идея построения мира без насилия. Радикальные феминистки выстраивают границы между мужской и женской культурой, утверждая, что в современном обществе утрачено доверие к мужскому типу культуры, в основе которого – рационализм, прогрессизм, агрессия. Эти принципы ведут человечество

к пропасти. Однако кризиса можно избежать, если сменить мужской образ жизни и мышления на женский, в основе которого - ценности сострадания, миролюбия и компромисса. Противоположный лагерь, консерваторы призывают к возврату к традиционным культурным ценностям брака, семьи, религии (к традиционным культурным механизмам памяти); говорят о международном женском заговоре с целью феминизации мужчин, о переделе сфер власти и т.п. Они обнаруживают в этой проблеме этико-аксиологические аспекты, осуждают «переворачивание» половых ролей, которое становится феноменом не только западной, но и постсоветской культуры. Похоже, и консерваторы и радикалы, увлеченные конструированием идеальных моделей взаимоотношения полов, стараются не видеть противоречивых современных реалий. Сегодня универсализм и партикуляризм парадоксально уживаются друг с другом, создавая различные синтетические образования.

Необходимость анализа проблем пола и гендера обусловлена появлением на рубеже веков ситуации «размытой культурной идентичности»: возрастной, социальной, профессиональной и половой. «Размытая половая идентичность» проявляется в гетеро-, гомо- и би-сексуальности, в проблемах транссексуализма и андрогинии. Возникает проблема «третьего» пола, требующая своего осмысления. Вопросы пола и гендера сегодня оказывают серьезное влияние даже на «большую политику». В эту область, так называемое «публичное пространство», вторгаются различные аспекты интимного человеческого существования. «Личное» становится «политическим» - начиная с проблемы аборт и насилия, заканчивая имиджем политических лидеров.

В современных гендерных исследованиях преодолевается односторонность и радикализм классического феминизма середины XX века, возникает интерес не только к проблемам женщин, но и к проблемам мужчин; к теме взаимоотношения полов; анализируются способы конструирования этих отношений в различных культурах. Методологическая база этих исследований разнообразна, так как только феминистская теория предлагает как минимум две противоположные стратегии анализа: «феминизм равенства» и «феминизм различия». Однако проблемы пола и гендера можно также рассматривать, опираясь на антифеминистские и нефеминистские парадигмальные установки.

Современное белорусское общество все активнее начинает осваивать новую гендерную терминологию, пришедшую к нам с Запада и из России. Интеллектуалов уже не удивляют словосочетания «гендерная политика», «гендерные проблемы семьи, воспитания и образования», «гендерно-чувствительное законодательство» и т.п. Более того, при Министерстве труда и социальной защиты Республики Беларусь с конца 90-х годов XX века функционирует отдел гендерной политики. Каковы причины этого интереса белорусского общества к гендерным проблемам?

Думается, что интерес к гендерным/женским проблемам в первую очередь инициирован разворачивающимся на пространстве СНГ женским движением, которое само довольно неоднородно и многопланово. В Беларуси сегодня существуют «Белорусская Ассоциация университетских женщин», «Белорусская Ассоциация молодых христианских женщин», «Лига женщин Беларуси», «Женское Независимое Демократическое движение», «Белорусская ассоциация женщин-юристов», «Белорусское общество трудящихся женщин», «Белорусский союз женщин», Международное Женское Общественное Объединение «Глобальное партнерство» и многие другие женские организации. Цели, которые ставят перед собой эти объединения: защита прав женщин, решение проблем женской самореализации, а также защита окружающей среды, решение социальных проблем, возрождение национальной культуры и многие другие.

Одной из важнейших причин интереса к гендерным проблемам, по моему мнению, является включенность Беларуси в мировое интеллектуальное пространство, путем активного формирования «гендерного сообщества», в которое сегодня входят специалисты, пишущие по гендерной истории, психологии, лингвистике, культурологии, философии и другим общественно-гуманитарным

дисциплинам. Возникают культурно-образовательные объединения и центры, например, Минский гендерный центр при Женском институте «Энвила», Центр гендерных исследований при ЕГУ; проводятся международные междисциплинарные гендерные конференции, исследователи получают реальную возможность научных контактов с коллегами из городов Беларуси, России, Украины и Запада. Однако до сих пор гендерные исследования остаются на обочине ряда гуманитарных научных дисциплин. У мужской части белорусской интеллектуальной элиты это понятие нередко вызывает вольную или невольную усмешку. Подтекст ее почти ясен – что это за феминистские штучки; откуда эта претензия на особый женский взгляд на мир; по-видимому, это просто женский способ оградить себя от мужской критики. Да и само понятие «феминизм» воспринимается в современном белорусском обществе, как правило, либо с иронией, либо с подозрением.

Трудности на этом не кончаются. Часто новое понятие становится лишь модной вывеской, заменяющей слова «женские проблемы», «проблемы пола, брака, семьи», «половое воспитание и образование». Феминистски настроенные ученые называют такое простое переименование псевдогендерным подходом. Российская исследовательница О.А.Воронина указывает, что в таких работах понятие гендер используется как синоним слова пол или заменяет словосочетание социополовые роли [9]. В свою очередь представители российских гендерных центров выделяют два основных направления разработки собственно гендерной теории – это теория социального конструирования гендера и теория культурного символизма гендера.

Насколько это так? Мне думается, что гендерные исследования более многослойны и мозаичны. Эти проблемы обнаруживают все новые и новые грани в общественно-гуманитарных науках, в которых они подвергаются разнообразным профессиональным интерпретациям. Выдвижение гендера в качестве категории анализа социально-культурных и образовательных проблем позволяет расширить исследовательскую повестку дня. [10]. Новое направление ставит новые вопросы: 1) как гендер соотносится с анатомическими половыми различиями; 2) как гендерные отношения конституируются и поддерживаются в человеке и обществе; 3) как они соотносятся с другими видами социальных отношений (класс, раса); 4) каковы причины трансформации гендерных отношений в обществе, что делают или могут сделать в этом направлении институты образования и воспитания; 5) каковы взаимоотношения между формами сексуальности и гендерными отношениями; 6) существует ли только два пола и соответственно только два гендера, или их больше; 7) каковы соотношения между формами мужского доминирования и гендерными отношениями; 8) будет ли актуален вопрос о гендерных отношениях в будущих обществах и будут ли эти общества и отношения эгалитарными; 9) существует ли отличие мужского и женского способа мышления, обучения и воспитания; 10) если есть эти различия, то являются ли они врожденными или приобретенными; 11) являются ли гендерные различия социально полезными и необходимыми; 12) если да, то каковы последствия этого для феминистской цели достижения «гендерной справедливости». В результате решения этих вопросов возникает некий «мозаичный гендерный ковер», сотканный усилиями многих специалистов.

Для отечественной культуры эти проблемы не являются абсолютно новыми и неизведанными. В форме философии и теологии пола и любви они развивались в русской философской и религиозно-философской традиции конца XIX - начала XX века, в это же время возникли революционно-демократические и социалистические идеи эмансипации женщин, «свободной любви» и «полового коммунизма» (А.Коллонтай). В советское время вопросы пола, брака, семьи изучались представителями исторического и диалектического материализма. В эпоху перестройки и постперестроечное время ученые бывших советских республик начали осваивать новое поле гендерных исследований. Эта работа осуществляется сегодня на двух уровнях: на уровне анализа внешнего взаимодействия гендерных исследований Запада и постсоветских стран и на внутреннем уровне, где решаются теоретико-методологические и эмпирические проблемы гендерных исследований.

Они связаны с вопросами осмысления основных понятий гендерной науки (гендеристики, гендерологии, феминологии – возможные ее названия – О.Ч.), таких как «пол» и «гендер», с анализом основных принципов и методов исследования, с выяснением специфики бытийствования гендерных программ в отечественном воспитательном и образовательном пространстве. Однако постсоветское пространство этих исследований достаточно поляризовано. Сегодня существует разнообразие противоположных и зачастую противоречащих друг другу трактовок пола и гендера, базирующихся на разных методологических основаниях. Одни авторы говорят о гендерной асимметрии и дисбалансе, критикуют патриархатную советскую и постсоветскую культуры и развивают гендерные исследования, во многом копируя западный опыт. Другие ориентируются на биологические основания пола и теорию «естественного предназначения полов». Третьи опираются на религиозные нравственные принципы, развивая теорию «сверхъестественного предназначения полов». Правда, и те, и другие, и третьи согласны, что категория «пол» становится необходимым инструментом анализа современной культуры.

Зададим вопрос, насколько гендерная и семиотическая модели культуры коррелируют друг с другом? Воспользуемся для этого исследования методологией Ю.М.Лотмана.

Рассуждая о культуре в ее специфических проявлениях, выделим некое условное пространство взаимодействия полов, некий «гендерный континуум», и назовем его «гендеросферой» (понятие мое – О.Ч.). Она представляет собой отграниченное пространство, в ней есть «ядро» и «периферия», присутствует изоморфизм, обмен культурной информацией и зеркальная симметрия. Рассмотрим эти части гендеросферы подробнее. Во-первых, в ней можно выделить два рода процессов: те, что идут внутри гендеросферы и внешние процессы взаимодействия с другими гендеросферами. К первым относятся гендерные традиции (в том числе и традиции полового воспитания) как ядро этой системы и процессы размывания данных традиций как периферия. Части гендеросферы в свою очередь представляют собой системы, в которых осуществляется бесконечное тиражирование гендерных взаимодействий (изоморфизм по Лотману).

В области внешнего взаимодействия в форме обмена культурной информацией во второй половине XX века также происходит выработка принципиально новых культурных моделей. Сейчас уже можно выделить несколько этапов этой работы. Первый этап, назовем его условно «этапом любознательности», это время освоения новой западной терминологии, перевода на русский язык как классических феминистских текстов, так и работ современных западных теоретиков феминизма и постфеминизма (80-е годы XX века). Вторым этапом может быть назван «этапом воплощения», когда славянские исследователи, а чаще исследовательницы примеряли западную методологию к отечественным реалиям (90-е годы). Третий этап – «этап синтеза», т.е. время разработки собственных национальных подходов к анализу пола и гендера в постсоветских культурах, стремление к созданию синтетических, интегративных моделей пола и гендера (начало XXI века). В результате в современном белорусском обществе сложилось, по крайней мере, три типа отношений к западным гендерным исследованиям: отторжение, симбиоз и синтез (сравни, по Лотману, отграничение, присвоение, просеивание, ускорение). В первом случае это восприятие гендерных исследований как чужого и чуждого западного опыта; во втором – отождествление своего и чужого, калькирование и создание «познавательных гибридов»; в третьем – сохранение познавательной дистанции к западному опыту и одновременно его самостоятельное критическое осмысление [11]. Первый тип отношения характерен, как правило, для академической традиции. Проблемы пола и гендера до сих пор остаются маргинальными для постсоветской философии, хотя в других гуманитарных науках эти понятия обсуждаются весьма плодотворно (например, в истории, психологии, лингвистике, социологии и политологии). Но и здесь не все так однозначно, так как новая академическая среда, в которой ученые, используя и преодолевая прежний марксистский опыт, создают собственное поле исследований, только формируется.

Второй и третий типы отношений демонстрирует славянское феминистско-гендерное сообщество. Общим для всех исследователей является попытка формирования понятия «гендерная культура». По нашему мнению, гендерная культура общества в широком смысле слова – это сплав сознания, поведения и отношений между различными общественными субъектами, который складывается в связи с полоролевой неоднородностью социума и развивается по мере изменения его материальных и духовных основ. Гендерная культура в узком смысле – деятельность по передаче и усвоению эгалитарных ценностей (ценностей равенства).

Следуя методологии Ю.М.Лотмана, отметим, что взаимодействие гендерных культур это не простой акт передачи культурных ценностей, а обмен и к тому же не обязательно синхронный. Следующим элементом культуры является культурная память. В гендерном контексте это унаследованные от предков модели взаимодействия полов, которые многомерны и противоречивы. Так, например, русский философ Сергей Сергеевич Аверинцев рассматривает феномен пола с православных позиций. В 1997 году он пишет статью «Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи», в которой анализирует проблемы пола в свете христианских моральных ценностей. По его мнению, в современной культуре по этому вопросу существуют три возможных решения. Для их описания он прибегает к метафоре «неисправных часов». «Христианин – это здравомыслящий зануда, которому при виде неправильно идущих часов является тривиальная мысль, что их надо снести в починку. А ведь возможны идеи куда более интересные и острые. Например: никакого правильного времени все равно нет, правильное время – догматическая и авторитаристская выдумка. То, что показывают часы, и есть один из возможных ответов на вопрос: который час. Или так: часы есть предмет столь презренный, хотя бы по своей ориентации не на вечность, а на время, что их надо не чинить, а поскорее разбить» [12]. Другими словами здесь отражены три возможные философские позиции по проблеме пола: традиционализм, релятивизм и негативизм.

В определенном смысле идеи С.Аверинцева могут явиться формой критики современных западных и славянских феминистских/гендерных концепций. Ведь феминистские исследователи сомневаются сегодня в том, существует ли пол вообще, мужской и женский в частности, а может быть полов множество, и половая идентичность не относится к сущности индивида, являясь лишь его границей, горизонтом или пределом. С.С.Аверинцев отстаивает традиционную точку зрения, противопоставляя ее релятивизму и негативизму. Он анализирует нравственную составляющую этого вопроса и говорит в этой связи об отличии западных и славянских культурных ценностей. Так, например, «равенство полов», «свобода», «демократия», «либерализм» – это ряд западных ценностей, которые успешно проникают в Евразию под названием «общечеловеческих». Понятия «грех», «смирение», «предназначение женщины и мужчины» для западной культуры непонятны, они ей чужды. В современной славянской культуре наиболее распространенными воззрениями на плотское бытие человека, противоположными христианству, становятся «неоязычество» и «манихейство» («ангелизация» или «демонизация» пола). «Первое – неоязычество: пол не только не нуждается в очищении и освящении – напротив, только он, способен оправдать и освятить все остальное. Второе воззрение: неоманихейское: пол до того дурен, что не оправдать, ни освятить его невозможно. На первый взгляд эти представления противоположны, но это скорее настроения, которые сменяют друг друга как эйфория и депрессия у невротика. Все можно и все гнусно. Если гнусно, то по отношению к какой точке отсчета?» - спрашивает философ [13].

По мысли С.Аверинцева, пол сам по себе, как предмет соответствующих научных дисциплин, духовно, нравственно и эстетически бескачественен. Экзистенциально – он есть нечто не существующее. Свою злокачественность или доброкачественность, свое проклятие и растление, или, напротив, освящение и очищение он получает извне, и не от материальных уровней нашего бытия. Пол – знак, символ чего-то

другого. «Телесное как знак и одновременно реальность незримого духовного» [14]. Можно спорить с философом, отождествляющим анатомо-физиологические процессы с процессами половой идентификации. Но С.С.Аверинцев рассуждает о поле последовательно с точки зрения православия, в котором эта категория становится символом чего-то незримого. Именно поэтому категория «пол» столь многозначна в православном символизме, но этот смысл трудно перевести на язык западной культуры, так как в русской религиозно-этической традиции понятие «пол» - это не столько биологическая и политическая, сколько духовно-онтологическая категория. Он одновременно и дан и задан. В противоположность этому западный феминизм останавливается на социально-политической реальности и не исследует реальность ноуменальную, отрицая понятие Бога. В славянской культуре в разнообразных формах повторяется идея о диалектическом единстве природы и культуры, об их взаимосвязанности. В этом контексте категория «пол» содержит информацию о природе, о Боге, о культуре, она эвристична сама по себе. С другой стороны, понятие «пол» статично, оно чётко определяет роли, нормы поведения, ожидания мужчин и женщин, их половые идентичности. Наряду с тем, что ортодоксальная и неортодоксальная православные концепции пола содержат идеи об онтологически-предопределённой сущности женщины, в них находят свое место и мысли о женской субъективности, о праве жить в истории на свой манер, *сообразно своей женской «природе»*. Следовательно, мы можем констатировать различие в трактовках понятия «пол» в западной и славянской культурах и это отличие осознается как раз благодаря межкультурным взаимодействиям.

Последним принципом анализа семиосферы по Лотману является закон центральной симметрии, в частности проявляющийся в параллелизме высокого и низкого в культуре. В гендеросфере мы также обнаруживаем параллелизм элитарного и массового бытийствования феномена пола. Так на элитарном уровне возникают теории двух видов: первые могут быть названы социоцентристскими, антиэссенциалистскими и эгалитарными (в основе их лежит принцип равенства). Вторые – натуроцентристские и эссенциалистские. В них господствует принцип различия. Эссенциализм – это философская парадигма, признающая наличие сущностных характеристик бытия; антиэссенциализм - парадигма, отрицающая наличие таких характеристик. В этой связи одной из главных проблем феномена пола становится вопрос интерпретации женского (феминного) и мужского (маскулинного) в культуре. Являются ли они сущностными характеристиками двух противоположных полов/гендеров, или это лишь фантомы, результаты эффекта восприятия и самовосприятия? В первом случае будет реализована идея «правильной гендерной ориентации человека в мире». Цель преподавателя – научить мальчиков и девочек быть «настоящими мужчинами» и «настоящими женщинами», тем самым успешно встроить их в систему социально-культурных отношений, где они будут вести себя как компетентные мужчины и женщины. Во втором случае мы попадаем, если выразиться образно, в мир Алисы в стране чудес. Целью такого гендерного образования является обучение мальчиков и девочек сомнению в половом/гендерном самоощущении; привитие навыков критического анализа гендерных стереотипов как на уровне теоретического (мифология, религия, идеология, философия), так и на уровне обыденного мышления; экспериментирование со своими гендерными/половыми идентичностями и т.п. Главной идеей становится мысль о социальной детерминированности полоролевых моделей поведения, а не о их естественно-природной заданности. Гендерное образование, как не парадоксально это звучит, в этой интерпретации может стать образованием или «бесполом» или «надполовым», так как говорить об образовании «настоящих мужчин» и «настоящих женщин», с точки зрения феминизма, это сексизм и половая сегрегация. Такие же противоречивые процессы обнаруживаются не только в теории, но и на практике: с одной стороны, агрессивный феминизм, унисекс в моде и поведении, отрицание любых форм иерархических отношений, игра со своими гендерно-половыми идентичностями и как закономерный результат - смена пола. С другой стороны, не менее агрессивный консерватизм, реализация

традиционных форм поведения, отказ от релятивизма и воспроизводство гендерной иерархии. Именно так причудливо, противоречиво происходит практическое присвоение ценностей гендерной западной культуры на постсоветском пространстве. Таким образом, можно констатировать, что сближение культур приводит не только к появлению общих идей, но и к феномену осознания своей уникальности, к культивированию самобытности, в том числе как в области гендерных исследований, так и в области гендерных практик.

Список использованных источников:

1. Брайденбах И., Цукригль И.. Борьба культур или Мак Мир? // Deutschland №3, 2000. С.42.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 томах. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культур. – Таллинн: «Александра», 1992. С.13.
3. Там же. С.14.
4. Там же. С.18.
5. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 томах. Т.3. Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. – Таллинн: «Александра», 1992. С.328.
6. Там же. С. 331.
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 томах. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культур. – Таллинн: «Александра», 1992. С.24.
8. Репина Л.П. Гендер в истории: проблематика и методология исследования./ <http://www.gender.ru/russian/training/mcqi/basesofgenstud/2004/topic05/01.shtml>
9. Воронина О.А. Гендер / Словарь гендерных терминов// Под ред. А.А.Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002. С.24.
10. Чикалова И.Р. Женские и гендерные исследования и их субдисциплины. Женская и гендерная история.// Женщина. Образование. Демократия. Материалы 4-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции. Мн., 2002. С.419-420.
11. Зверева Г.И. «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России.// Адам и Ева. Альманах гендерной истории. №2. - М., 2001. С. 243.
12. Аверинцев С.С. София-Логос/Словарь. Киев, 2001. С.357.
13. Там же. С. 358.
14. Там же. С. 360.

SUMMARY

Object of research are two discussing models of understanding of culture: semiotics and gender. In the report the question is considered, whether occurrence new culturelogical knowledge on their crossing is possible? It is marked, that assignment of values of the western gender culture on the postsoviet space leads to rapprochement of cultures, but simultaneously to comprehension of originality in the field of gender researches.